

На українському мовному ґрунті ці значення формуються відповідно до звичаїв, традицій і менталітету нашого народу і служать джерелом збагачення української мови лексичними художніми засобами.

Л і т е р а т у р а :

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка – М. : Айрис Пресс, 1999. – 441 с.
2. Знаки и символы / Иллюстрированная энциклопедия – М., 2008. – 255 с.
3. Практичний словник синонімів української мови / С. Караванський. – К. : “Українська книга”, 2000. – 480 с.
4. Кононенко В. Символи української мови. – Івано-Франківськ, 1996. – 269 с.
5. Кононенко В. Рідне слово – К. : Богдана, 2001. – 303 с.
6. Сварог, 1998. – Ч. 7. – 138 с.
7. Словник синонімів української мови. – Т. 1. – К. : “Наукова думка”, 1999. – 1026 с.
8. Універсальний словник. Енциклопедія – К. : “Тека”, 2006. – 1430 с.

Вишневская Г. П. Огонь – природное явление и многоликий символ.

В данной статье показано место огня как природной стихии в культурном обиходе украинцев. Лексема огонь охарактеризована как один из древнейших выработанных человечеством архетипных символов, представлена его интерпретация на украинской национальной почве.

Ключевые слова: символ, символизация, синонимический ряд, семантика, функция, эмоциональность, образно-метафорическое выражение, переносное значение, лексическая сочетаемость, стилистические средства.

Vyshnevskaya G. Fire as natural phenomenon and many-sided symbol.

In this article the place of fire is shown as to the natural element in cultural everyday life of Ukrainians. Lexeme fire described as one of the most ancient mine-out humanity of authentic symbols, his interpretation is presented on Ukrainian national soil.

Keywords: symbol, symbolizing, synonymous row, semantics, function, emotionality, figuratively-metaphorical expression, portable value, lexical compatibility, stylistic facilities.

Иванова Л. П.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

КЛАССИЧЕСКОЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И НОВЕЙШАЯ ИМАГОЛОГИЯ: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Статья посвящена связям имагологии с традиционными и новыми направлениями языкознания (компаративистика, межкультурная коммуникация, лингвокультурология), а также с проблемами оценки, мультилингвизма, интерференции, стереотипа.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, имагология, категория оценки, стереотип, билингвизм, мультилингвизм.

Михаил Акимович Брицын всю жизнь работал в русле классического сравнительно-исторического языкознания. Он сформировал весьма целесообразную систему исторического описания русской лексики, создав тем самым школу исторической лексикологии. Каждый из его аспирантов получал свою тематическую группу (названия угодий, лексика охоты и рыболовства, названия растений и т.п.), описывал ее по разработанной модели, в итоге эти, на первый взгляд разрозненные, исследования сложились в целостную мозаику, состоящую из 50 диссертаций и множества статей. Я не думаю, что в мире есть нечто подобное.

В последние годы бывшие аспиранты Михаила Акимовича, ставшие докторантами, стремятся раздвинуть рамки классической компаративистики за счет выхода в новые направления языкознания, в частности – когнитивной лингвистики (докторская диссертация и связанные с ней публикации Н. В. Коч).

Я не имела чести быть ученицей М. А. Брицына, тем не менее рядом с ним прошла вся трудовая жизнь: в 1971 году поступила в аспирантуру на возглавляемую им кафедру русского языка и работаю на ней с небольшими перерывами по сей день.

В последнее время меня заинтересовала имагология, разработанная литературоведами Д. С. Наливайко и В. В. Ореховым. Последние доклады на научных конференциях и публикации я посвятила аргументации лингвистической имагологии. В данной статье обратимся к возможностям использования данных классического сравнительно-исторического языкознания в имагологических исследованиях.

Начнем с того, что имагология до последнего времени рассматривалась в рамках сравнительного литературоведения (отметим, что сравнительное литературоведение сформировалось с опорой на сравнительно-историческое языкознание, впитав целый ряд его положений).

В. В. Орехов квалифицирует имагологию как отрасль сравнительного литературоведения, изучающую литературные образы (имиджи) инонациональных государств, народов [2, с. 7]. “Важнейшая проблема имагологии – степень участия в формировании образов стран и народов (в творчестве отдельных авторов и общелитературном контексте) трех основных компонентов: объективных причин (исторических, политических, социальных), субъективных факторов (личных авторских впечатлений, переживаний) и традиционных представлений” [2, с. 7]. Все перечисленные компоненты обязательно вербализуются, что дает основания для создания лингвистической имагологии.

Насколько нам известно, лингвистических имагологических исследований на сегодняшний день нет, некоторое исключение составляют, хотя термина имагология авторы не употребляют, описание Петербурга Т. А. Космедой, Крыма Н. В. Величко, Кавказа в нашей монографии “Кавказ в русском языковом сознании XIX – XX вв.” (К., 2006).

Познание чужого мира и людей возможно такими путями:

1. Знакомство с отдельными представителями того или иного народа, а затем экстраполирование полученных впечатлений на целый народ или страну. Как правило, картина получается крайне субъективная. Так, например, жители северной и южной Италии в силу исторических обстоятельств очень заметно отличаются друг от друга, поэтому представления об активно жестикулирующих громкоговорящих южанах будут несправедливы по отношению к северянам. Факт первого впечатления активно используется современными имиджмейкерами, знали о нем наши предки. В. В. Орехов с опорой на мемуары приводит следующий пример: когда наши войска в 1813 году подошли к Парижу, им дали 2 дня на отдых и приведение в порядок формы. В итоге все – от солдат до царя Александра II – вошли во всем блеске под военную музыку. Естественно, парижане с большим энтузиазмом их встречали. Подчеркнем, что не зафиксировано ни одного случая мародерства. На Монмартре до сих пор экскурсоводы показывают дом, в котором наши казаки говорили “Быстро! Быстро!”, и оттуда пошли бистро.

2. Путешествие в другие земли и знакомство с их обитателями. Первым или одним из первых таких произведений является “Хожение за три моря” Афанасия Никитина. С одной стороны, это памятник письменной речи той эпохи, с другой стороны – кладезь впечатлений об экзотической до сих пор Индии и пути туда. Для адекватной интерпретации старых и древних текстов необходимы ресурсы сравнительно-исторического языкознания. В процессе проживания в чужой стране человек постепенно изучает ее язык и приобщается к традициям и нравам. Формируется билингвизм или полилингвизм. Интереснейшим примером является личность и творчество Ф. И. Тютчева. Известно, что он провел долгие годы на дипломатической службе в Германии, язык общения в то время был французский, поэтому переписка, политические статьи написаны по-французски, великолепная поэзия – по-русски (по-французски буквально несколько стихотворений). А. А. Потебня, изучавший феномен мультилингвизма Ф. И. Тютчева, подчеркивает, что после удара поэт полностью утратил русскую речь.

В процессе освоения другого языка возникает интерференция, крайним проявлением которой является суржик. В аспекте имагологии проблемы би-, полилингвизма, интерференции, суржика, думается, имеют большие перспективы.

Первые впечатления о народе закрепились в языке. Так, для восточных славян все неговорящие на их языке считались немymi – немцами (німцями), еще в XIX в. данный факт сохранялся. А. С. Грибоедов в комедии “Горе от ума” писал: “Чтоб умный, добрый наш народ хотя б по языку нас не считал за немцев” (помним, что тогда язык общения у дворян был французский), позднее немцами стали называть определенный народ. В греческом и романском мире иноземцев называли *barbarous* – онотопеическое

звукоподражательное слово, передающее непонятную иностранную речь. К нам это слово пришло как “варвар”, имеющее целый шлейф ассоциаций.

А. П. Крысин отмечает: Варвар, а, м., одуш. [греч. Barbarous букв. не грек, чужеземец]. 1. У древних греков и римлян: пренебрежительное название чужеземца. 2. Невежественный, грубый, жестокий человек. ...Варварство – 1) бессмысленное разрушение культурных ценностей; 2) грубость, дикость нравов // Ср. вандал, троглодит (во 2-ом знач.) [1, с. 155]. От себя отметим, что троглодиты как конкретная народность до сих пор проживают в скалах Туниса, не имея никаких коннотаций. Варваризм стал термином: Варваризм, а, м., [< фр. barbarism < греч. ... - см. варвар], лингв. Слово или оборот чужого языка, построенные по образцу другого языка, противоречащие нормам данного языка, нарушающие чистоту речи [1, с. 155].

Воспринимая чуждые реалии, мы обязательно их оцениваем. Так, например, в восточнославянских языках закрепилось слово “пустыня” с прозрачной внутренней формой и отрицательной коннотацией. В последние годы, когда мы массово двинулись в дальние страны, оказалось, что пустыня отнюдь не пустая, там, например, живут интереснейшие племена бедуинов, сохранивших древний арабский язык, там есть животный и растительный мир, полезные ископаемые. Таким образом, в аспекте имагологии возможно изучать все виды оценки (и логическую, и эмоциональную, и гедонистическую, и все другие), а также динамику оценки. В нашем примере отрицательная коннотация у слова “пустыня” утрачивается, большинство наших соотечественников были там в качестве туристов, поэтому воспоминания остаются самые приятные.

В процессе общения с представителями других народов и культур формируются стереотипы (в свое время стереотипы в рамках лингвокультурологии детально описала В. А. Маслова). Примером могут служить анекдоты типа: “Встретились русский, немец, американец, француз, англичанин...”. В итоге немцы всегда педантичны, французы легкомысленны и любвеобильны, русские изобретательны и т.д.

Иногда истоки стереотипов совершенно не понятны: почему для французов турок – воплощение силы, а для русских – глупости? На наших глазах в Европе складывается стереотип русского как сорящего деньгами богача, у которого деньги не помещаются в кошелек и он носит доллары свернутыми руликом и перевязанными резинкой. Таким образом, лингвистическая проблема стереотипа, вербализации социального статуса также весьма актуальна.

Следовательно, имагология как новое направление языкознания опирается на классические разработки лингвистики, освещая их в новом свете. Ее место среди таких направлений, как межкультурная коммуникация, лингвокультурология.

Л и т е р а т у р а :

1. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М. : Изд-во ЭКСМО, 2007. – 944 с.
2. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. – Симферополь : ОАО “Симферопольская городская типография” (СГТ), 2008. – 200 с.

Іванова Л. П. Класичне порівняльно-історичне мовознавство і новітня імагологія: точки дотику.

Стаття присвячена зв'язкам імагології з традиційними і новими напрямками мовознавства (компаративістика, міжкультурна комунікація, лінгвокультурологія), а також з проблемами оцінки, мультлінгвізму, інтерференції, стереотипу.

Ключові слова: порівняно-історичне мовознавство, імагологія, категорія оцінки, стереотип, білінгвізм мультлінгвізм.

Ivanova L. P. Classical comparative-historical linguistics and the latest imagology: points of contact.

The article is devoted to relations of imagology, with traditional and new areas of linguistics (comparativistics, intercultural communication, lingvoculturology), as well as with the problems of the assessment, multilingualism, interference, a stereotype.

Keywords: comparative-historical linguistics, imagology, assessment category, a stereotype, bilingualism, multilingualism.

Кравцова Ю. В.

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

ПРОЗА ПОЭТА**В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И МЕТАПОЭТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ**

Статья посвящена проблеме изучения поэзии и прозы одного автора. Описана специфика прозы поэта как литературного феномена с позиций лингвистики и метапоэтики, характер ее взаимосвязи с поэзией данного автора и причины его обращения к прозаической форме словесного искусства.

Ключевые слова: литературный “билингвизм”, поэт-прозаик, писатель-“билингв”, проза поэта.

Творчество писателя, владеющего двумя формами словесного искусства – стихотворной и прозаической, вызывает большой интерес не только среди ученых, но и среди самих художников слова. Суть явления, получившего название литературного “билингвизма” (Р. О. Якобсон), состоит в том, что поэт активно использует прозаическую форму для решения художественно-эстетических задач в области поэтического языка и расширения способов образного воплощения своего замысла, не ущемляющегося в границах стихотворной формы. “Проза поэта – не совсем то, что проза прозаика, и